

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

К. МАРКС, МАРКSOVA МОДЕЛЬ И МЕТОДОЛОГИЯ Р. ЛУКАСА (Размышления над книгой Р.М. Нуреева)¹

Аннотация. Статья представляет критический обзор книги Р.М. Нуреева «Очерки по теории марксизма». Обсуждаются такие категории марксизма, как «формация», «способ производства», «определение», «овеществление», «личная зависимость», «вещная зависимость», «свободная индивидуальность». Большое внимание уделяется анализу марксовской модели расширенного воспроизводства и ее модификации, предложенной В.И. Лениным, демонстрируется автоматизм замедления экономического роста, основанный на реализации неявных свойств модели. Проводится анализ соответствия экономической теории Маркса методологическим стандартам Р. Лукаса, показывается родство модели общего равновесия Л. Вальраса и модели воспроизводства Маркса. Ставится вопрос об онтологическом статусе экономических теорий, которые предписывают «как должно быть», и влиянию моделей на реальность.

Ключевые слова: марксизм, модель воспроизводства, методологические стандарты, онтология.

Классификация JEL: B14, B41.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10210

Книга Р.М. Нуреева представляет собой сборник его работ о Марксе и судьбах его учения, которые публиковались на протяжении 35 лет. Как отмечает сам Р.М. Нуреев в предисловии, «Автор ни в коем случае не претендует на полное и всестороннее изложение теории марксизма и тем более детальное изложение его истории и эволюции» (с. 6). Остается только последовать этому стилю и предупредить, что в настоящем обзоре мы «ни в коем случае не претендуем на сколько-нибудь полное освещение» как работы самого Р.М. Нуреева, так и, конечно же, К. Маркса и его последователей. Такое предупреждение, по-видимому, необходимо, так как «Это объясняется прежде всего интеллектуальным уровнем учеников и последователей К. Маркса, а также непримиримым отношением основоположника научного коммунизма к своим оппонентам. “К своим политическим врагам, – писал М.И. Туган-Барановский, – Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко – для этого достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста является его отношение к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого язвительного презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно”» (с. 206–207). С тех пор в среде отечественных марксистов-ленинцев мало что изменилось, большинство из них хранят верность стилю основоположника.

¹ Нуреев Р.М. Очерки по теории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). М.: КНОРУС, 2018. Далее в круглых скобках после цитат приводятся страницы данного издания.

Р.М. Нуреев является одним из самых глубоких и щепетильных российских исследователей марксизма. Приводимые ниже заметки связаны с теми страницами его книги, которые предлагают интерпретацию отдельных «темных мест» и сложных понятий, введенных Марксом в научный оборот – как мы надеемся, это привлечет к книге внимание новых читателей; такова, по-видимому, цель любого рецензирования. Кроме того, чтение этой книги приводит немарксиста к любопытному вопросу об онтологическом статусе нормативных экономических теорий. Естественно, последнее относится уже к особенностям нашего способа чтения, и Р.М. Нуреев за подобный «невежественный ревизионизм» и «извращения» никакой ответственности не несет.

Общественно-экономические формации и способы производства

Принятое в учебниках деление человеческой истории на первобытный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический (социалистический) общественный строй отождествляется как с общественно-экономическими формациями, так и со способами производства. Как показывает Нуреев, у Маркса это не совсем так. «В общих чертах, – писал К. Маркс в Предисловии к работе “К критике политической экономии”, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации”. Обращает на себя внимание тот факт, что в этой классической работе периодизация всемирной истории дана в совершенно непонятной, на первый взгляд, форме. Во-первых, непонятно, почему четырем способам производства соответствует лишь одна формация, во-вторых, почему сама эта формация названа как-то странно: не общественно-экономическая, а экономическая общественная (слово «экономическая» почему-то поставлено на первое место). В-третьих, непонятным является и сам перечень способов производства: нет ни первобытнообщинного, ни коммунистического строя, зато указан какой-то азиатский способ производства, а рабовладельческий строй назван античным» (с. 45). Далее Р. Нуреев поясняет, что «История развития человечества делится К. Марксом на три “большие” формации: первичную, основанную на общей собственности (первобытнообщинный строй и “азиатский способ производства” в качестве переходного этапа ко вторичной формации), вторичную, основанную на частной собственности (рабство, крепостничество и капитализм) и коммунистическую – общественную формацию» (с. 47).

В свою очередь, «Понятие “азиатский способ производства” служило для обозначения государственной системы сельских земледельческих общин. Термин “азиатский” в данном контексте никогда не имел строго регионального значения и служил для обозначения универсальной стадии развития человечества. К. Маркс относил к азиатскому способу производства не только древний и средневековый Восток (Индию, Турцию, Персию, Китай и т.д.), но и государства Африки (Египет), Америки (Мексика, Перу), Европы (этруски и др.) на определенном этапе их развития. Поэтому термин “азиатский” является своего рода иррациональной категорией: обозначая часть, он в то же время характеризует целое. Мы уже давно оперируем такими парными понятиями, как античность – рабовладельческий способ производства, средневековье – феодализм, Новое время – капитализм, Новейшее время – социализм, первая фаза коммунистической формации. Специфика здесь заключается... в том, что содержательно термину противопоставлен термин не временной, а пространственный, географический» (с. 49).

Вообще говоря, такое небольшое уточнение понятия формации совсем иначе структурирует временную протяженность различных стадий мировой истории. Если вплоть до XVIII в., а в России – и до XIX в. сохраняется такой «пережиток феодализма», как сословное общество, а в XX в. уже начинается «социализм», то время жизни капитализма получается уж

совсем короткое. Если же считать, что все это – вторичная формация, а азиатский способ – переходный период от первичной к вторичной, это несколько меняет перспективу. И заставляет сильно усомниться в тезисе о том, что от вторичной к третичной формации *в принципе* можно перейти путем одномоментной «социальной революции». Как бы быстро ни шли «локомотивы истории», изменения, которые раньше занимали много веков (в т.ч., например, переход от «азиатского способа» к капитализму), вряд ли можно проскочить за какие-то несколько лет.

Опредмечивание и овеществление. Товарный фетишизм

Один из эзотерических феноменов марксизма, который практически не встречается у экономистов за пределами этого течения – товарный фетишизм. Для того, чтобы разобраться с этим явлением, как показывает Р.М. Нуреев, необходимо разграничить понятия «опредмечивание» и «овеществление» – «Эти понятия в применяемом К. Марксом терминологическом аппарате характеризуют разные стороны процесса производства: опредмечивание – процесс труда, овеществление – социальную форму этого процесса» (с. 149). Пусть так, и «процесс труда», т.е. «опредмечивание», легко задать с помощью производственной функции. Но что такое «социальная форма процесса»? Автор поясняет: «Что касается овеществления, то оно в экономической системе К. Маркса трактуется в двояком смысле: с одной стороны, как внешняя форма (материальность), как вещественный носитель производственных отношений, существующий на всех этапах общественного развития и выражающий диалектику производительных сил и производственных отношений, а с другой – как внутренняя форма, как особая форма связи между людьми в условиях товарного хозяйства, как характерная особенность специфических производственных отношений» (с. 149). Вот здесь, по-видимому, происходит первый риторический «разрыв»: производительные силы – это вроде бы про технику и прогресс, производственные отношения (и в первую очередь, отношения собственности) – вроде бы про институты. Причем здесь *экономическое (различение и измерение издержек и выгод)*? И как представить себе «вещественный носитель производственных отношений», что это за объект? По-видимому, он существует только в рамках марксистского дискурса, где *институты – материальны*, их можно некоторым образом фиксировать и измерять, как, например, «лучшие практики».

Отсюда следует еще одно соображение – производственные отношения, отождествляемые Марксом с экономикой, существуют всегда, а товарное хозяйство (рынок) – только в рамках «азиатского способа» и вторичной экономической формации. Но тогда – какими *в принципе* могут быть коммунистические производственные отношения?

В свою очередь, «Товарная форма продуктов труда является причиной товарного фетишизма, поэтому последний углубляется с развитием формы стоимости. Товарная форма продуктов труда характеризуется К. Марксом как единство трех взаимосвязанных моментов: 1) формы уравнения (равенства) труда (через стоимостную предметность); 2) формы измерения труда (посредством величины стоимости); 3) формы проявления общественного характера (общественных определений) труда (в форме общественных отношений продуктов)...

...Таким образом, товарный фетишизм есть господство продуктов труда как над отдельными товаропроизводителями, так и над обществом товаропроизводителей в целом при овеществлении лиц и персонификации вещей» (с. 150–151).

Или – феномен товарного фетишизма представляет собой *веру марксистов* в то, что в условиях товарного производства отдельный человек представляет собой функцию, которую он исполняет *в рамках разделения труда*. Изменить свое предназначение он не может, если не станет революционером (весьма своеобразная интерпретация мысли Б. Спинозы: свобода – осознанная необходимость). Напротив, сама «вещь», товар – по определению не

обладающая ни сознанием, ни свободой воли, – в силу игры капиталистического случая может оказаться в самых разных социальных местах и используется для самых разных целей. В этом смысле «вещь» получает свою персонификацию, индивидуальность. Однако мрачноватый взгляд на судьбу индивида у сторонников «овеществления».

Личная и вещная зависимость. Свободная индивидуальность

Как указывает Р.М. Нуреев, в соответствии с взглядами К. Маркса «Следует различать два типа личной зависимости: 1) в первобытном обществе; 2) в классово-антагонистическом докапиталистическом обществе» (с. 72). Первая сохраняется и в антагонистических способах производства, но только в качестве подчиненного типа. Кроме того, личная зависимость «распространялась и на отношения распределения, обмена и потребления. Принадлежность к тому или иному коллективу предопределяла место человека не только в производстве, но и в обществе, а следовательно отражалась в его образе жизни... Распределение, обмен и потребление закреплялись традицией, нормами права, морали..., отражались в социальной психологии, освящались религией» (с. 72).

Вещная зависимость, как уже понятно из феномена «товарного фетишизма», привлекала наибольшее внимание К. Маркса. Здесь опять же вводится различие между «опредмечиванием» и «овеществлением», при этом Р.М. Нуреев, как и положено советскому марксисту образца 1983 г., указывает²: «Различение предметно-созидательной и социально-созидательной роли труда, опредмечивания и овеществления имеет важное методологическое и теоретическое значение для критики буржуазных, мелкобуржуазных и ревизионистских теорий... Смешение же разных сторон процесса производства, сведение социально-экономических отношений к технико-экономическим, овеществления к опредмечиванию стало для вульгарной буржуазной политической экономии и ревизионистских теорий важным средством апологетики капитализма, доказательства его “универсального”, “внеисторического” характера» (с. 74–75).

Вещная зависимость дополняется личной независимостью, уже упомянутыми «овеществлением лиц» и «персонификацией вещей». Вот как поясняет это вслед за К. Марксом Р.М. Нуреев: «Овеществление лиц заключается в том, что товар (вещь) выступает как форма взаимосвязи обособленных в рамках общественного разделения труда товаропроизводителей, отношения между которыми носят не личный, а вещный характер. Персонификация вещей означает, что вещи в условиях товарного хозяйства превращаются как бы в самостоятельных субъектов, определяют положение человека в обществе. Так как собственность на свой товар является предпосылкой обмена, условием получения другого товара, то кажется, что товар сам по себе обладает свойством обмениваемости на другие товары» (с. 76).

Как указывает автор, существует непосредственная связь между понятиями «вещной зависимости» и «отчуждением труда»: «К. Маркс наполняет категорию “отчуждение труда” исторически определенным содержанием, трактует частную собственность как форму отчужденного труда...

...Отчуждение труда рассматривается К. Марксом, во-первых, со стороны товарной формы продукта и выступает как условие присвоения, как его оборотная сторона, как способ связи товаропроизводителей, как форма проявления исходного отношения капитализма, во-вторых, со стороны капиталистического содержания – как характеристика капиталистической эксплуатации, как следствие господства буржуазии, как форма проявления основного производственного отношения капитализма...

² Первоначальный вариант рассматриваемого текста был опубликован в журнале «Вопросы философии», 1983. №6. С. 3–14. При издании книги в 2018 г. Р.М. Нуреев сохранил «дух времени».

...понятие отчужденного труда может быть соотнесено с характеристикой капитала не как результата, а как предпосылки процесса производства. Категория “отчуждение труда” помогает раскрытию понятия “капитал = фетиш”» (с. 77–78).

В общем, вещная зависимость является необходимым и достаточным условием для возникновения отчуждения труда. Наследники К. Маркса из Франкфуртской школы полагают, что последнее лежит в основе дегуманизации капитализма с последующим переходом к тотальному господству капитала и полным порабощением личности [Стюарт, 2018]. А основой всего этого мрака является, конечно же, разделение труда. Но как отсюда, не устраняя разделения труда и возвращения к «первичной формации», перейти к «свободной индивидуальности»?

Нуреев поясняет: «отношения свободной индивидуальности знаменуют этап, отрицающий и отношения личной зависимости, и отношения вещной зависимости, выступающий как отрицание отрицания... Отношения личной независимости, основанной на вещной зависимости, знаменовали такой уровень развития производительных сил, когда под влиянием общественного разделения труда происходит обособление производителей. И они уже не нуждаются в той или иной форме естественно сложившейся или исторически развившейся коллективности, перерастают рамки. Однако вместе со становлением универсальных отношений и всесторонних потребностей развивается всесторонний процесс овеществления производственных отношений, происходит полное отчуждение сущностных сил человека от него самого, превращение их в чуждую и господствующую над ним силу. Отношения свободной индивидуальности знаменуют этап, для которого характерно возрастающее господство как над силами природы, так и над общественными силами, вышедшими из-под власти общества и действующими наиболее разрушительно в период капиталистических кризисов перепроизводства...»

... отношения свободной индивидуальности являются внешним проявлением отношений коллективности – основы коммунистического способа производства. “Само собой разумеется, – пишет Ф. Энгельс, – что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека”. И диалектика процесса такова, что это освобождение каждого отдельного человека, это развитие свободной индивидуальности возможно лишь в коллективе и посредством него, лишь в рамках ассоциации, охватывающей все общество» (с. 80).

Свободная индивидуальность – в коллективе, более того, свобода – «внешнее проявление отношений коллективности»? Ох, уж эта диалектика. Вспоминается отечественный последователь Маркса А. Зиновьев, описывавший законы жизни в коллективе: ««Принято думать..., что человеческое общество есть одно из самых сложных явлений и что по этой причине его изучение сопряжено с необычайными трудностями. Это заблуждение... с чисто познавательной точки зрения... законы общества примитивны и общедоступны. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна, ибо люди живут в обществе по этим законам и по необходимости осознают их... Это действует удручающе на современного ученого человека, которому голову забили идеями математизации, формализации, моделирования... Социальные законы суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей друг по отношению к другу. Основу для них образует... стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя и т.д.» [Зиновьев, 1990. С. 42–43].»

Наверное, в XIX в., или как любят подчеркивать марксисты, исторически люди сильно симпатизировали коллективам и не любили индивидуалистов, считая последних «декадентскими проявлениями буржуазной морали». Из XXI в. и вещная зависимость, и отчуждение, и свободная индивидуальность смотрятся как-то сильно иначе.

Модель воспроизводства, Ленин и капитализм в России

Р.М. Нуреев останавливается на характеристике знаменитой двухсекторной модели простого и расширенного воспроизводства К. Маркса в основном в связи с модификацией ее В.И. Лениным. «В схемах К. Маркса не показано увеличение органического строения капитала, однако оно предполагается, о чем свидетельствуют два примера расширенного воспроизводства. В частности, если в первом примере соотношение постоянного и переменного капитала (органическое строение капитала) составляет 4:1 (I подразделение) и 2:1 (II подразделение), то во втором примере оно уже достигает 5:1 в обоих подразделениях... В.И. Ленин использует первый пример К. Маркса, так как он относится к более раннему этапу развития капитализма, то есть такой пример, который более близок к пореформенной России... добавочные капиталы [чистые инвестиции текущего года – П.О.] в схеме В.И. Ленина имеют гораздо более высокое органическое строение... Включение добавочных капиталов с заметно более высоким органическим строением привело к тому, что общее органическое строение капитала выросло к четвертому году в I подразделении с 4:1 до 5:1 и в II подразделении с 2:1 до 2,1:1. Теоретический анализ и произведенный наглядный расчет позволили В.И. Ленину сформулировать вывод о том, что “в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления”. Такое стремительное расходование прибавочной стоимости только на рост постоянного капитала неизбежно должно было привести к резкому падению темпов роста общественного производства.

В 1970-е гг. экономисты Госплана СССР посчитали, что будет через 100 лет с темпами роста общественных подразделений, если воспользоваться формулой В.И. Ленина. Оказалось, что темпы роста стремительно упадут... Неудивительно, что последовательная реализация закона преимущественного роста в Советском Союзе привела к таким печальным последствиям» (с. 193).

По нашему мнению, с темпами роста в марксовой теории дело обстоит гораздо хуже. Сам по себе рост фондовооруженности и связанная с ним уменьшающаяся отдача капитала, присутствующая в ленинских схемах, пусть и являются ленинской «вульгаризацией», но вполне соответствуют современным представлениям (например, посылкам, лежащим в основе модели Р. Солоу). Проблема в самой идее прибавочной стоимости как результата неоплаченного труда, являющегося, в свою очередь, выражением «прибавочного времени» – части рабочего дня. Поскольку рост «совокупного общественного продукта» обеспечивается только за счет увеличения «прибавочной стоимости», постольку его темпы обеспечиваются за счет темпов роста «прибавочной стоимости». Однако поскольку время рабочего дня ограничено, то, начиная с какого-то предела, темпы роста прибавочной стоимости стремятся к нулю, а за ними – и общие темпы роста. Об этом пишет в своих «Комментариях» Д.И. Розенберг; как обычно у марксистов, мелким шрифтом, в сноске и со множеством характерных деталей: «В своих рукописях Маркс доказал, что объективно неизбежным результатом является “уменьшение относительной прибавочной стоимости по мере увеличения производительной силы труда”. Суть этого доказательства в следующем. Умножение производительной силы труда непосредственно и пропорционально уменьшает необходимое рабочее время. При этом пропорция, в которой возрастает прибавочное время (и соответственно прибавочная стоимость), будет определяться отношением величины, на которую уменьшилось необходимое время, к абсолютной величине прежнего прибавочного времени. Следовательно, пропорция возрастания прибавочной стоимости будет зависеть не только от пропорции возрастания производительности, но и от нормы прибавочного времени...

Общий закон их изменения будет таков: чем выше достигнутый уровень производительности труда и норма прибавочной стоимости, тем меньше абсолютная величина необходимого времени и той его части, которая сокращается возрастанием производительности (числитель прибавочной стоимости), и тем больше абсолютная величина прибавочного времени (знаменатель возрастания стоимости). Следовательно, прирост относительно прибавочной стоимости уменьшается по мере увеличения производительности труда.

...Тем самым это доказательство дает зародыш марксовой теории прибыли и закона тенденции нормы прибыли к понижению...» [Розенберг, 1983. С. 161–162].

Попросту говоря, в любой национальной экономике, в которой применялись принципы статистического учета, включавшие деление ВВП на необходимый и прибавочный продукты заодно с марксистскими представлениями о том, что «стоимость» создается только в «материальном производстве», снижение темпов экономического роста было неизбежно. А ленинское дополнение Маркса в том, что фондовооруженность (органическое строение капитала) повышается только в «добавочном капитале» (чистых инвестициях) – это ошибка, помноженная на ошибку. Если бы Ленин следовал логике «закона всеобщего накопления» и предположил, что органическое строение меняется во *всем капитале*, т.е. в валовых инвестициях, *включающих амортизацию*, то все рассматриваемые эффекты, включая резкое падение темпов роста, были бы получены намного быстрее.

Р.М. Нуреев подробно характеризует основное экономическое произведение В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». В целом соглашаясь с ленинскими оценками уровня развития капиталистических «производственных отношений», соседствующих с «феодалными пережитками», охраняемыми монархией, Нуреев делает следующее замечание: «В.И. Ленин идет дальше и делает смелый вывод о разложении крестьянства. Сущность его состоит в создании новых типов сельского населения: буржуазии (доля которой достигала, по мнению В.И. Ленина, 30% населения) и пролетариата, “класса наемных рабочих с наделом” (доля которого составляла, по мнению В.И. Ленина, 40% населения). Поэтому вопреки мнению либеральных народников, писал В.И. Ленин, русское “общинное крестьянство – не антагонист капитализма, а напротив, самая глубокая и самая прочная основа его”. Это, конечно, было смелым и далеко идущим преувеличением. Ведь даже по ленинским (далеко не бесспорным) данным получалось, что в аграрной сфере у каждого капиталиста было в среднем по 1,3 наемного работника!»

В.И. Ленин в тот период заметно преувеличивал степень дифференциации крестьянства. Отчасти это было связано с недостатком статистических данных, отчасти – с методикой анализа» (с. 182). Добавим – и со способом видения феноменов в той реальности, которую для Ленина форматировал марксистский дискурс с его классовыми антагонизмами и неизбежностью будущей социалистической революции.

Способ ленинского анализа сельского хозяйства впоследствии применялся и в СССР времен нэпа. Если считать «кулака» капиталистом по критерию в 1,3 работника, то «классовый враг» социалистического уклада в конце 1920-х был, по-видимому, многочислен, изворотлив и очень опасен для советского руководства.

Равновесие и бизнес-циклы

Рассматривая причины неприятия учения К. Маркса западной академической наукой, среди прочего Р.М. Нуреев указывает: «Если К. Маркса интересовала стоимость как основание рыночных цен и весь том I «Капитала» исходит из предпосылки соответствия цен стоимости, то его современников гораздо больше интересовали случаи отклонения цен от стоимости» (с. 202). Это не совсем так. Если рассматривать систему Вальраса, можно увидеть много знакомого: деление на два сектора (потребительских товаров и факторов

производства), равновесие как результат взаимодействия и всех отдельных рынков, и этих двух секторов. Одна из формулировок знаменитого «закона Вальраса», характеризующего равновесие – это равенство цен на товары издержкам их производства. Более того, и у Вальраса, и у Маркса *деньги нейтральны*: изменение их количества меняет уровень цен, но не может повлиять на занятость. Кейнсианская идея ликвидации «вынужденной безработицы» с помощью ограниченной денежной эмиссии (или поддержка экономики с помощью «мягкого количественного ограничения») показалась бы Марксу странной ересью.

В свою очередь, если согласиться с родством марксовой и вальрасовой моделей, сразу же становится заметной аналогия между следующими «логическими ходами». Признание того, что *экономика всегда находится в состоянии равновесия* (цены формируются на основе стоимостей), привлекает внимание к феномену бизнес-циклов. Это и происходит – как у Маркса, так и у «новых классиков». Общим у этих моделей и то, что *в них не укладывается* – это Великая Депрессия 1929–1933 гг. и Великая Рецессия 2008–2011 гг. В остальном циклы обновления основного капитала у Маркса (пусть и плохо разработанные) вполне могут рассматриваться как аналоги шоков реальной производительности в модели Кидланда–Прескотта.

Р.М. Нуреев указывает и другие причины неприятия теории Маркса на Западе, которые, на наш взгляд, более важны: «К. Маркс никогда не преподавал ни в одном мало-мальски известном университете. Свою докторскую диссертацию он получил довольно давно (в 1841 г.) в Йенском университете, известном тем, что это учебное заведение давало быстро и без споров отзывы на докторские диссертации (...К. Маркс получил ученую степень доктора философии уже через 9 дней после того, как направил туда свою диссертацию). Публичной защиты..., естественно, не было...

...пик популярности трудовой теории стоимости (во всяком случае, в ее рикардианской трактовке) в академической среде давно уже прошел... изменения носили кардинальный характер: вместо политической экономии как философии хозяйства появляется совсем другая наука – экономикс, выступающая как набор практических рецептов по оптимизации деятельности экономических агентов в условиях ограниченных ресурсов....

Неудивительно, что в этих условиях замысловатые диалектические построения К. Маркса оказались невостребованными» (с. 200–201).

Более того, диалектика как *метод исследования в экономической теории* стала представляться если не шарлатанством, то, по крайней мере, архаикой, крайне трудной для восприятия. Понадобилось 100 лет, прежде чем Д. Макклоски вернула внимание к риторике экономической науки [Макклоски, 2015]. При этом сам К. Маркс этой экономисткой, когда-то придерживавшейся левых взглядов, даже не упоминается.

Методология Р. Лукаса. Проблема онтологии экономической науки

«Лукас придерживался достаточно строгих взглядов на вопрос, какой должна быть макроэкономическая теория. Самым главным он считал соблюдение ряда методологических стандартов:

а) не следует разделять принципы, лежащие в основе микроэкономики, и принципы, на которых базируется макроэкономическая теория...

б) макроэкономическая теория является составной частью анализа общего равновесия. Она должна заниматься изучением функционирования экономики в целом и давать объяснение взаимодействию между отдельными частями экономики...

в) макроэкономическая теория и математическая модель – это одно и то же. Такое представление, корнями уходящее в теорию Вальраса, противоречит другому широко распространенному взгляду на взаимоотношение между теорией и моделью. С этой точки

зрения они независимы друг от друга: теория – это ряд суждений о реальности, в то время как модель... это попытка строго определить выводы какой-то части теории;

г) теория занимается умозрительными построениями, она совершенно “нереальна”» [Де Фрей, 2019. С. 226–227].

Так характеризует методологические стандарты Р. Лукаса М. Де Фрей. Естественно, что марксова модель во многом соответствует стандартам «новой классики»: здесь нет разрыва между анализом на микро- и макроуровне, общее равновесие – исходная посылка исследования, теория вполне умозрительна (определить качество и количество таких феноменов, как эксплуатация и прибавочная стоимость, постоянный и переменный капитал и т.д. – непростая эконометрическая задача).

Возможно, такого рода совпадения могут заинтересовать историков экономической мысли, но для нас важно не это. Методологические стандарты Лукаса, как и антимодернистская риторика Макклоски, направлены против логического позитивизма, которого до сих пор придерживаются многие исследователи. В связи с этим возникает другой вопрос, который редко задают себе экономисты, которые, как и ученые, работающие в других областях, в первую очередь озабочены признанием своей работы профессиональным сообществом. Если экономическая теория (модель) представляет собой определенный артефакт (компьютерную программу, текст, систему уравнений или все это вместе), то как этот артефакт, в свою очередь, влияет на реальность? Логический позитивизм был хорош тем, что он легитимировал теорию с помощью прогностической ценности [Фридман, 2012]. Но ни к Марксу, ни к Лукасу – по крайней мере, после мирового кризиса 2008–2009 гг., – такое оправдание не относится. С другой стороны, вряд ли кому-то придет в голову отрицать то, что марксова модель повлияла на реальность (создала новую?). Тогда какой онтологический статус имеют, например, современные отечественные экономические исследования?

Заключение

Судьба старых идей (и старых статей) складывается по-разному. Во втором десятилетии XXI в. возобновился интерес и к Марксу, и к марксизму, что только отчасти объясняется «объективными факторами», такими, как замедление темпов мирового экономического роста, кризис мир–системы и т.д. Книга Р.М. Нуреева – хорошее дополнительное чтение, проясняющее темные места теории К. Маркса; политэконома, который непременно ошельмовал бы автора данной рецензии как «буржуазного апологета на службе олигархического государства», будь у него такая возможность.

ЛИТЕРАТУРА

- Де Фрей М. (2019). История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: ИД Дело РАНХиГС.
- Зиновьев А.А. (1990). Зияющие высоты (книга первая). М.: ПИК.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. М., СПб: Изд-во Института Гайдара, Изд-во Международные отношения.
- Нуреев Р.М. (2018). Очерки по теории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). М.: КНОРУС.
- Розенберг Д.И. (1983). Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика.
- Стюарт Д. (2018). Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Фридман М. (2012). Методология позитивной экономической науки // Философия науки. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. С. 177–216.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskypa@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences

orekhovskypa@mail.ru

**K. MARX, MARX'S MODEL AND METHODOLOGY OF R. LUCAS
(REFLECTIONS ON THE BOOK OF R.M. NUREEV)**

Abstract. The article presents a critical review of the book of R.M. Nureev «Essays on the theory of Marxism». Such categories of Marxism are discussed as «formation», «mode of production», «objectification», «materialization», «personal dependence», «material dependence», «free individuality» are considered. Much attention is paid to the analysis of the Marx model of expanded reproduction and its modification proposed by V.I. Lenin demonstrated the automatism of slowing economic growth, based on the implementation of the implicit properties of the model. An analysis is made of the correspondence of the economic theory of Marx with the methodological standards of R. Lucas, the relationship between the model of general equilibrium of L. Walras and the model of reproduction of Marx is shown. The question is raised about the ontological status of economic theories, which prescribe “as it should be,” and the impact of models on reality.

Key words: *marxism, model of reproduction, methodological standards, ontology.*

JEL: B14, B41.

REFERENCES

- De Frey M.* (2019). *Istoriya makroekonomiki: ot Keynasa k Lukasu i do sovremennosti.* [The history of macroeconomics: from Keynes to Lucas to the present (In Russian).]. M.: ID Delo RANKhiGS.
- Fridmen M.* (2012). *Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki // Filosofiya nauki. Antologiya / Pod red. D. Khausmana.* [Methodology of Positive Economic Science // Philosophy of science. Anthology / Ed. D. Housman. (In Russian). M.: Izd. Instituta Gaydara. S. 177–216.
- McCloskey D.* (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki.* [The rhetoric of economics (In Russian).]. M., SPb: Izd-vo Instituta Gaydara, Izd-vo Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Nureev R.M.* (2018). *Ocherki po teorii marksizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa)* [Essays on the theory of Marxism (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) (In Russian).]. M.: KNORUS.
- Rozenberg D.I.* (1983). *Kommentarii k «Kapitalu» K. Marksa.* [Comments on „Capital“ K. Marx (In Russian).]. M.: Ekonomika.
- Styuart D.* (2018). *Grand-otel' «Bezdna».* Biografiya Frankfurtskoy shkoly. [Grand Hotel Abyss. Biography of the Frankfurt School (In Russian).]. M.: Ad Marginem Press.
- Zinov'ev A.A.* (1990). *Ziyayushchiye vysoty (kniga pervaya).* [Gaping Heights (Book One). (In Russian).]. M.: PIK.